

Г.И.Вздорнов
(Москва)

РУССКАЯ ФИВАИДА НА СЕВЕРЕ, или
ФЕРАПОНТОВО ВЧЕРА, СЕГОДНЯ И ЗАВТРА

1

В середине XIX в. писатель и путешественник по святым местам России и Востока, коллекционер и общественный деятель А.Н.Муравьев ввел в научный и литературный оборот на редкость емкое, полное смысла название: "Русская Фиваида на Севере". Так была озаглавлена его книга о северных русских монастырях, выпущенная в 1855 г. В словосочетании "Русская Фиваида на Севере" причудливо соединились иссушающие пески Фиванской пустыни Египта, где в IV—V вв. подвизались первые христианские отшельники, и холодные леса, озера и реки российского Заволжья, ставшие тысячу лет спустя местом повторения такого же аскетического подвига. Подобно первым египетским, сирийским и палестинским монахам русские аскеты XIV—XVI вв. не только основывали новые монастыри в дебрях вологодского и архангельского Севера, но и способствовали освоению новых земель, распространяли свои и заимствованные с Востока сочинения. Писания Нила Сорского, который жил в XV в. в уединенном лесном монастыре на речке Соре, пользовались не меньшей популярностью, чем творения родоначальников восточного монашества: они призывали к постоянной работе души, личному аскетизму, к отказу монастырей от непомерного стяжания земельной и иной собственности, что неизбежно вело к эксплуатации чужого труда. Именно северные монастыри уже в XV в. заняли особое положение в церковной организации России: они стали местом постоянного паломничества, участники которого искали здесь нравственного очищения и душевного успокоения. Недаром почти все основатели многочисленных северных монасты-

рей остались в народной памяти как совершеннейшие образцы святости. Иными словами, история духовной жизни России XV—XIX вв. была бы неполной без учета выдающегося вклада монастырского Севера.

В течение двух последних десятилетий, после длительного периода забвения, посещение северных монастырей вновь сделалось желанной целью многих людей. Теперь, правда, их интерес заключается в исторических, архитектурных и иных художественных ценностях. Я знаю, например, двух молодых людей, которые несколько лет назад совершили путешествие в ныне уже почти разрушенный Кожезерский монастырь Архангельской области, причем от ближайшей железнодорожной станции они добирались до бывшего монастыря пешим ходом пять дней — по давно заброшенной и зарастающей лесом дороге. Подобное паломничество, конечно, выпадает из обычных маршрутов, так как обыкновеннейший турист предпочитает более доступные места. Вот почему даже на Севере он спешит воспользоваться тем, что не требует лишних усилий и создает пусть не комфортные, но все же не слишком дурные условия для проживания в заранее намеченном населенном пункте. Именно по таким путям-дорогам и снуют муравьиные толпы летних отпускников и студентов художественных и иных учебных заведений. Излюбленными местами их пребывания стали ныне городок Кириллов в Вологодской области и поблизости от него расположенное село Ферапонтово. Кстати будет сказать, что Кириллов и Ферапонтово каким-то непостижимым образом сохранили свои исторические названия: они носят имена святых Кирилла и Ферапонта, которые были основателями двух местных монастырей. Не приходится во всяком случае добиваться теперь возвращения им старых названий, тогда как третий известнейший город с именем его основателя — Сергиев (или Сергиев посад) — еще в 1930 г. наделен именем секретаря Московского горкома партии большевиков В.М.Загорского (настоящая фамилия — Лубоцкий): очевидная для всех административная акция, направленная во времена разгула воинствующего атеизма на то, чтобы стереть саму память о Сергии Радонежском, основателе Троице-Сергиева монастыря.

Но вернемся к Ферапонтову — основному предмету нашего разговора. Ферапонтов монастырь основан в 1398 г. монахом московского Симонова монастыря, который пришел сюда вместе с Кириллом, но через некоторое время совместной жизни на Сиверском озере отделился от "сопостника" и срубил собственную келью и церковь в девятнадцати верстах от Кириллова монастыря. Облюбованное Ферапонтом место и по сей день поражает впервые приезжающего сюда человека исключительной красотой. Монастырь расположен на небольшой возвышенности между двумя озерами: Бородавским с западной стороны и Пасским — с восточной. Бородавское озеро, узкое и длинное, протянувшееся на девять километров, с многочисленными островами, лежит значительно выше Пасского, которое, напротив, имеет вид округлой чаши, но тоже с лесистым островком посередине. Между озерами пробегает небольшая каменистая речка Паска. К югу от монастыря, примерно в трех километрах от села, видна высокая, поросшая густым лесом Цыпина гора и Ильинское озеро у подножия горы, к северу тянется лес, а по берегам озер там и сям виднеются деревни, дуга, пашни.

Подобно Кириллову, архитектурной доминантой которого является грандиозный по размерам Кирилло-Белозерский монастырь с доброй полусотней исторических зданий, село Ферапонтово мало что значит без Богородице-Рождественского монастыря. Давно закрытый, он, однако, сохранил все древние постройки: собор 1490 г., Благовещенскую церковь и монастырскую трапезную палату 1534 г., Казенную палату XVI в., шатровую церковь во имя преподобного Мартиниана 1640 г., Святые ворота с двумя надвратными храмами 1649 г., а также колокольню и крытые переходы-паперти, соединяющие основные монастырские здания в единое целое. Эти разновременные и живописно расположенные памятники образуют редкостный историко-архитектурный ансамбль, который с каждым годом привлекает к себе все новые и новые поколения любителей старины.

Всероссийская известность Ферапонтова началась на рубеже XIX—XX вв. В 1899 г. местный уроженец и воспитанник Санкт-Петербургской духовной академии Иван Иванович Бриллиантов опубликовал замечательную книгу с традиционным для

прошлого столетия многословным названием: «Ферапонтов Белозерский ныне упраздненный монастырь, место заточения патриарха Никона. К 500-летию со времени его основания. 1398--1898. С приложением очерка "Патриарх Никон в заточении на Белозере". С 32 рисунками». А в 1911 г. вышла из печати монография еще одного автора. Речь идет о фундаментальной и роскошно иллюстрированной книге Василия Тимофеевича Георгиевского "Фрески Ферапонтова монастыря". Георгиевскому посчастливилось доказать, что настенная живопись в соборе церкви Рождества Богородицы, сохранявшаяся в течение четырехсот лет и дошедшая до наших дней, была исполнена в 1502 г. московским мастером Дионисием и его сыновьями Владимиром и Феодосием. Оказалось, таким образом, что Ферапонтов монастырь был местом пребывания двух выдающихся исторических деятелей. Патриарх Никон, осужденный за превышение своей власти собором восточных патриархов и лишенный престола, сана и других привилегий, провел в Ферапонтове долгие десять лет: с 1667 по 1676 г. И Дионисий, по всей вероятности, не был случайным заезжим исполнителем монастырской фресковой росписи, являющейся к тому же вершиной его творческой биографии.

Но перечень известных исторических лиц, так или иначе причастных к Ферапонтову монастырю, не исчерпывается художником Дионисием и патриархом Никоном. Назову еще несколько примечательных имен. Это второй после Ферапонта игумен Мартиниан, страстный любитель и заказчик рукописных книг; это пермский епископ Филофей; это скончавшийся в Ферапонтове в 1512 г. ростовский архиепископ Иоасаф; это умерший здесь в 1514 г. "доброписец" Варлаам; это некий греческий князь Константин, принявший в Ферапонтовом монастыре иноческий сан, но перебравшийся затем в окрестности Ростова. Почти постоянное проживание в монастыре высокообразованных людей, нередко занимавших церковные кафедры, библиофилов, книжечеев и писателей, делало Ферапонтово заметным очагом просвещения, потенциальным источником, из которого в случае необходимости (и мы это знаем) выписывались в Москву и Новгород нужные литературные, исторические и полемические произведения.

Если публикация монографии И.И.Бриллиантова прошла сравнительно незаметно, то выход книги В.Т.Георгиевского имел совсем обратный эффект. Как раз в это время, в декабре 1911 и январе 1912 г., в Петербурге проходил всероссийский съезд художников, на котором широко обсуждались вопросы сохранения и изучения древнерусского художественного наследия, и фундаментальное исследование В.Т.Георгиевского вызвало широкий интерес присутствующих. Выставка отдельных копий и фотографий с ферапонтовских фресок, развернутая на съезде, укрепила их популярность. С этих пор Ферапонтов монастырь, его художественные и архитектурные памятники сделались подлинной достопримечательностью. Быть на Севере и не посетить Ферапонтово значило бы примерно то же, что ехать в Грецию и не быть в Афинах. Кто только не пребывал здесь еще в дореволюционные времена: представители дворянской знати, новгородские архиепископы, архитекторы, художники, историки искусства, музейные работники.

Общественный интерес к Ферапонтову способствовал сохранению уникального памятника искусства, так как к моменту его "открытия" монастырь находился в угрожающей стадии разрушения. Особенно велики были повреждения собора конца XV века с фресками Дионисия. Активную деятельность по возрождению бывшего монастыря развила игуменья Таисия, которая основала здесь вместо прежнего мужского монастыря женский. Имея связи в самых высокопоставленных петербургских кругах, включая и царский двор, она сумела добиться значительной финансовой поддержки со стороны государства, церкви и частных лиц. Среди последних особо щедрые пожертвования поступили от семьи князей Оболенских, предок которых, ростовский архиепископ Иоасаф (вероятный заказчик фресок Дионисия?), был погребен в ограде монастыря. Немало средств поступило также от всероссийского "кружечного" сбора. В короткое время было получено около 75 тысяч рублей. К изучению и научной реставрации древних зданий были привлечены лучшие силы императорской Археологической комиссии: архитекторы Н.И. Покрышкин, К.К.Романов и А.Г.Вальтер. Работы, начатые в 1908 г. и продолжавшиеся до первой мировой войны, предотвратили разрушение монастырского собора. После революции

эти работы были приведены к относительному завершению ленинградским архитектором В.В.Даниловым. Одновременно велась промывка фресок Дионисия художниками-иконописцами из московской мастерской Я.Е.Епанечникова (в 1915 г.) и их вторичная профилактическая реставрация силами Центральных государственных реставрационных мастерских во главе с А.И.Анисимовым и П.И.Юкиным (в 1927--1928 гг.). Я считаю необходимым назвать имена этих преданных своему делу работников и энтузиастов, так как, не будь их, Ферапонтов давно бы разделил печальную судьбу многих иных северных монастырей, превращенных в руины или даже совсем исчезнувших. А им несть числа на той же вологодской земле: Спасо-Каменный, Корнилиев-Комельский, Павло-Обнорский, Успенский Семигородный, Покровский Глушицкий...

Тридцатые-пятидесятые годы текущего столетия были для Ферапонтова в полном смысле слова "безвременьем". Официально существуя в качестве музея, монастырь подвергался, однако, всем превратностям бывшего церковного учреждения. После закрытия последнего из действующих храмов Ферапонтова в 1929 г. хранителем всех зданий монастыря-музея была назначена бывшая послушница Любовь Кирилловна Легатова. Первые упоминания о ней в регистрационных книгах посетителей Ферапонтова появляются в начале тридцатых годов и продолжают до конца 1948 г., когда она, уже глубокой старухой, уехала из Ферапонтова. Получая крохотную зарплату, Л.К.Легатова как могла пыталась сохранять монастырь: занималась уборкой, поддерживала чистоту и порядок, принимала редких в эти годы гостей, добывала для них молоко и хлеб, устраивала на ночлег. Но лихолетье сталинского режима, в котором церковное искусство расценивалось как ненужный хлам, сказалось на Ферапонтове самым губительным образом. Предпринимались неоднократные попытки устроить в присоборных галереях колхозное зернохранилище, а в соборе -- хранение картошки. В двухэтажном деревянном доме около Святых ворот внутри монастыря находилась местная школа. Монастырская ограда была разрушена, охрана отсутствовала. Крыши протекали, многие окна были выбиты. В собор с фресками Дионисия

то и дело заносило снег и дождь, в голосниках и на погонщиках гнездились голуби. Казалось, все шло к обычному для памятников средневековой русской культуры разрушительному концу. Но и в эти тяжелые времена нашлись люди, посчитавшие своим долгом поддержать музей. Назову прежде всего инспектора Вологодского областного управления культуры Андрея Константиновича Вёдрова, взявшего Ферапонтов монастырь под личное наблюдение и предпринимавшего отчаянные усилия, чтобы заставить местное начальство латать зияющие дыры на давно проржавевших кровлях и спасти собор от власти стихии.

В 1948 г. для почти беспризорного монастыря удалось приискать сторожа из соседней деревни Леушкино: Валентина Ивановича Вьюшина. Инвалид войны, контуженный и безногий, на нищенской зарплате, Вьюшин, однако, верой и правдой прослужил в Ферапонтове четверть века и сдал, наконец, свои обязанности хранителя уже не одному человеку, а коллективу музейных работников. Все, кто бывал в Ферапонтове в это время, хорошо помнят неторопливого, скупого на слова, прихрамывающего на деревянную ногу сторожа, которого приходилось вызывать из близости стоящего домика, чтобы он открыл собор и показал фрески. Я впервые приехал в Ферапонтово в начале октября 1960 г. и был этим осенним пасмурным днем единственным посетителем. Рассматривая фрески Дионисия в тусклом свете пошедшего на убыль короткого дня, я слышал нудное постукивание по железной крыше мелкого дождя, воркующих где-то над головой голубей, поскрипывание деревянных полов, а также мерное шуршание веника, которым Вьюшин что-то подметал на паперти. На вопрос, не задерживаю ли я его, я получил столь же однозначный ответ, что нет, ему торопиться некуда. Иззябший после долгого пребывания в соборе, я сидел потом в теплой чайной, разомлел и услышал только урчание последнего уходящего из деревни грузовика, который доставлял в Ферапонтово почту, продукты и немногочисленных пассажиров. До Кириллова было 19 километров. Постеснявшись попроситься к кому-либо на ночлег, я двинулся в сумерках в обратный путь. На половине пути, уже в полной темноте, меня подобрал на раскисшей от дождя дороге лесовоз, на мокрых бревнах которого я и прибыл, наконец,

в Кириллов, где в Доме колхозника были оставлены мои пожитки.

Возвращаясь к В.И.Вьшину, надо заметить, что он был не только хранителем. Он сумел соединить в себе прошлое и настоящее, он до такой степени сроднился с монастырем и фресками Дионисия, что и теперь, много лет спустя после его смерти, десятки людей вспоминают свои приезды в Ферапонтово как встречи и с Дионисием и с Вьшиным. Эту особую привлекательность, незаезженную обстановку тогдашнего музея хорошо обрисовал архитектор С.С.Подъяпольский, неоднократно посещавший Ферапонтов монастырь по реставрационным делам. Вьшин, — говорит он в своих воспоминаниях, — "прилепился к монастырю и к служению Дионисию всем сердцем, хотя древнерусское искусство тогда было еще отнюдь не популярно, и приезжали сюда считанные единицы специалистов или людей высокой культуры. Отношение Валентина Ивановича к Ферапонтову было именно служением. Он числился здесь то сторожем, то дворником, то хранителем, временами никем, так как содержание при монастыре штатной единицы служителя часто казалось кому-то наверху непозволительной роскошью. Получая грошовый оклад или вообще не получая ни копейки, он добросовестно следил за порядком и сохранностью памятников, встречал приезжих, помогал им устраиваться, давал пояснения. Не обладая никаким специальным образованием, Валентин Иванович приобрел весьма недурные сведения об истории монастыря, его памятниках, и многим довелось познакомиться с ним не только как с заботливым хранителем, но и как со знающим и любящим экскурсоводом... Он был исключительно добросовестным тружеником, но вместе с тем и гораздо более этого: он во многом способствовал созданию той совершенно особой атмосферы Ферапонтова, которую не мог не ощутить каждый приезжий, стремящийся познакомиться с замечательными сокровищами древнерусского искусства".

Если В.И.Вьшин охранял фрески Дионисия, так сказать, по месту их нахождения, то официально, в Москве, немало сделали в этом направлении И.Э.Грабарь, Н.Н.Померанцев и Л.М.Колтунова, которые постепенно и в разное время готовили здесь необходимые профилактические и реставрационные работы.

Художник Н.М.Чернышев и искусствовед И.Е.Данилова в 1954 и 1970 гг. опубликовали две книги о живописи Дионисия и тем самым способствовали новой волне популярности выдающегося памятника культуры. Фрески Ферапонтова изучали также В.Н.Лазарев, М.В.Алпатов, Н.А.Демина и многие исследователи младшего поколения, которые заявили о себе уже в семидесятые и восьмидесятые годы. Назову, наконец, художника Николая Владимировича Гусева, который с 1955 г. ежегодно копирует фрески Дионисия. За треть века он воссоздал в своих рисунках, кальках и копиях весь ансамбль древней живописи собора. Им прочитаны десятки угасающих со временем надписей и определены казавшиеся ранее безымянными отдельные изображения и многофигурные композиции. Выставка работ Н.В.Гусева в 1988 г. в Москве лишний раз показала его огромный вклад в дело сохранения того состояния росписи Дионисия, в котором мы ее застали во второй половине XX века.

2

Когда мы говорим о Ферапонтове, наша мысль постоянно обращается к фрескам Дионисия, а именно потому, что они обладают уникальными художественными свойствами и поистине завораживающей силой воздействия. Раз увиденные, они всплывают затем в памяти при одном только упоминании Ферапонтова.

Фрески Ферапонтова возникли в 1502 г., о чем имеется удостоверяющая надпись на склонах северной дверной арки: "В лето 7010 [1502] -е месяца августа в 6 [день] на Преображение Господа нашего Иисуса Христа начата бысть потп(писываться си)а церковь, а кончана на 2 лето месяца сентявреа в 8 [день] на Рожество пресвятна владычица наша Богородица Мариа при благоверном великом князе Иване Василиевиче всеа Руси, и при великом князе Василие Ивановиче всеа Руси, и при арх(иепископе Ти)хоне. А писци Деонисие иконник с своими чады. О владыко Христос, всех царь, избави их, Господи, мук вечных". Слегка стершиеся цифры в начале надписи породили немало специальных научных работ на тему выяснения точной даты фресок, и только недавняя статья вологодского краеведа-историка Н.И.Федышина положила конец дискуссии.

Путем сопоставления биографических данных о великом князе Иване Ш, его сыне и соправителе Василии Ш и ростовском архиепископе Тихоне Н.И.Федышин вычислил, что Дионисий и его "чады" расписывали Богородице-Рождественский собор с 6 августа по 8 сентября 1502 года. Беспримерно короткий срок работы (всего 34 дня) подтверждается и соответствующим числом так называемых "дневных" швов на фресках, где отдельные штукатурные наметы занимают только такие участки стены, которые непременно должны были быть расписаны в течение одного дня. По наблюдениям А.А.Рыбакова, в подкупольной части собора насчитывается как раз 34 шва! Особо — по всей вероятности, позже — расписывались алтари (14 дней), западный фасад (4 дня) и фреска над гробом Мартиниана на южной стене (1 день). Вся роспись собора в Ферапонтове заняла, таким образом, 53 дня.

Так как монастырский собор посвящен Рождеству Богородицы, Дионисий и его заказчики разработали программу росписи, в которой преобладают сюжеты, связанные с личностью Марии. Уже в огромной порталной фреске, занимающей всю центральную часть западного фасада, представлены сцены, прямо соответствующие посвящению храма: Рождество, Сон и Ласкание новорожденной Марии Иоакимом и Анной. Над входом помещены изображения Богоматери Знамение и великих песнопевцев Иоанна дамаскина и Космы Маюмского, которые прославили Богородицу в торжественных церковных гимнах. Непосредственно в храме тема Богоматери получает дальнейшее развитие. В конхе алтарной апсиды Дионисий представил Марию с младенцем, а справа и слева от нее — двух коленопреклоненных ангелов. Под восточной подпружной аркой вторично написано Знамение с архангелами, а в люнетах восточной, южной и северной стен мы видим многофигурные композиции: Покров, Собор и Похвалу Богородицы. На лицевых гранях восточных столпов изображены четыре Благовещения, в среднем регистре на южной и северной стене, включая склоны арок и плоскости опорных столпов, — многочисленные сцены, иллюстрирующие кондаки и икосы Акафиста. Присутствие Марии в росписи храма столь велико, что, несмотря на естественные и столь же многочисленные изображения Христа и различных святых, собор Ферапонтова монастыря может быть назван в прямом смысле слова церковью Богородицы. Женственная

природа Девы и Матери, предстательницы и покровительницы, сообщает росписи Дионисия ясно ощутимый нами лирический оттенок, совсем немаловажный для эстетической природы памятника.

Индивидуальной особенностью фресок Дионисия является их нарядность, сочетающаяся при этом с необыкновенной мягкостью цвета. Нелегко перечислить все имеющиеся здесь краски, но преобладают небесно-голубые, белые, розовые, желтые, светло-зеленые и вишневые тона. Несмотря на очевидный подбор намеренно светлых красок, колорит лишен всяких признаков вялости. Это достигается за счет использования контрастных звучных тонов. Определяющим является ярко-голубой цвет, использованный для фоновых частей росписи. Время и предыдущие реставрации в значительной мере изменили этот цвет, местами он исчез до подкладочного серого цвета рефти, местами стерт до белесоватого грунта, но там, где он сохраняет прежнюю интенсивность, он сияет даже в бессолнечные дни. Это крупнозернистый азурит, кристаллы которого способны отражать падающий на них свет и тем самым усиливать игру цвета. Наряду с азуритом художники Ферапонтова широко использовали белый цвет -- хорошо отстоенную гашеную известь. Но все остальные краски даны в смешанном виде или с их разбелкой другими светлыми красками. Смешивание красок открывало Дионисию и его сыновьям возможности бесконечно разнообразить свою палитру, так как даже незначительное преобладание в той или иной смеси какого-либо одного цвета уже давало новый оттенок, иной раз совершенно не встречающийся в других произведениях монументальной живописи. Особенно выразительны бархатистые фиолетовые, розовато-зеленые, зеленовато-желтые, жемчужно-серые, перламутровые и опаловые тона.

Краски Дионисия -- предмет давнего интереса художников и ученых, причем подлинные энтузиасты в этом деле именно художники. В 1924 г. студенты монументального отделения Высших художественно-технических мастерских Л.И.Линно и Г.А.Андреев, а в 1925 г. профессор того же отделения Н.М.Чернышев побывали в Ферапонтове и вернулись в Москву с новостью, которой было суждено стать легендарной, так как она надолго определила специфический уклон изучения росписей Дионисия.

Речь идет о цветных камнях, которыми тогда были во множестве усеяны берега Бородавского и Пасского озер и которые в растертом виде на удивление точно совпадали с красками фресок в соборе Ферапонтова монастыря. Профессор Н.М.Чернышев сделал естественный для художника вывод, что Дионисий и его сыновья использовали местные краски, которые повлияли на индивидуальный колорит фресок. Камни Ферапонтова — своеобразный северный аналог камушкам Коктебеля: и те и другие придают некую тайну и очарование самой местности. И по сей день в летние дни по озерным отмелям Ферапонтова там и сям медленно передвигаются фигурки людей: наклоняясь к воде, они потом распрямляются, долго стоят, рассматривают выловленный из воды камень, растирают его на ладони либо на другом камне. Затем все начинается сначала. Это мерное, повторяющееся движение исполнено такой тихой сосредоточенности, что нет человека, который бы не поддавался соблазну бродить, подбирать, рассматривать и растирать бесконечно разнообразные ферапонтовские гальки и глины. Тысячи приезжих в конце концов ухитрились растащить все ближние берега и настоящие находки теперь возможны уже на значительном удалении от монастыря. Недалек день, когда для удовлетворения сувенирной страсти на берег Бородавского озера у полнокия монастыря придется, вероятно, насыпать привозную гальку — подобно мраморным обломкам на обобранной туристами скале афинского Акрополя.

Свято веря, что Дионисий использовал для росписи собора Рождества Богородицы местные цветные камни, художники в Ферапонтове пишут чаще всего именно найденными здесь кристаллическими и земляными красками. В течение многих лет так работают Н.В.Гусев и вологодский художник Е.А.Соколов, которым удалось собрать наиболее полные коллекции ферапонтовских глин и галек. Число их сравнительно невелико, но они дают невероятное количество оттенков — по словам Н.В.Гусева, не менее полутора тысяч. Копии фресок, исполненные Н.В.Гусевым с применением местных красок, передают все тональное совершенство живописи Дионисия. Но уже давно закрадывалось сомнение в том, что последняя работа Дионисия, на завершение которой ему и его помощникам потребовалось не более двух месяцев, была выполнена столь кустарным способом. Напомню, что и коллекция

Н.В.Гусева, и коллекция Е.А.Соколова собраны не в одночасье, а за двадцать и даже тридцать лет. Сомнение привело к исследованиям, и микрохимический и спектральный анализ пигментов из Ферапонтовского собора, предпринятый в московском Институте реставрации, выявил их несходство с красками местного происхождения и показал, следовательно, что Дионисий воспользовался обычной практикой: доставил на место заказанной ему работы все нужные краски из Ростова или Москвы, где велась оптовая торговля красками, собиравшимися из отечественных и зарубежных источников. Да и физически невозможно "натереть" столько местных камней, чтобы расписать ими в далеко не скупой цветовой гамме целый собор в короткий срок. Значит ли это, что Дионисий прошел мимо ферапонтовских галек? Нет. Я убежден, что Дионисий сумел оценить их неисчерпаемое тональное богатство и это повлияло на своеобразное письмо художника, на колорит и "пастельную" мягкость фактуры. А такие фрески, как Деисус, сцены из детства Марии и два архангела по сторонам от входа, написаны, кажется, и впрямь с использованием камней Бородавского озера.

3

Время берет свое, оно точит камень и разрушает дерево, не говоря уже о таком хрупком творении, как настенная живопись. К тому же суровый климат севера -- не лучший для фресок Дионисия. Они отслаиваются мелкими пластинками, покрываются пылью и плесенью, грунт в некоторых местах отходит от стены, повсюду видны большие и мелкие трещины. Так как предыдущие реставрационные работы велись в Ферапонтове более полувека назад и состояние отдельных фресок уже давно внушало опасения за их дальнейшую сохранность, в 1981 г. было приступлено к тщательному обследованию живописи Дионисия. Научно-методический совет по охране памятников культуры Министерства культуры СССР поручил вести эти работы Всесоюзному научно-исследовательскому институту реставрации и Межобластной специальной научно-реставрационной мастерской производственного объединения "Росреставрация". Восстановление архитектуры монастыря взяли на себя институт "Спецпроект-

реставрация" и вологодская мастерская, административно входящие в "Росреставрацию". Для консультаций, экспериментальной проверки используемых материалов и методики их применения были привлечены и другие исследовательские учреждения. Пожалуй, ни одно другое произведение искусства Древней Руси не имеет на сегодняшний день такого квалифицированного реставрационного коллектива.

Собор с фресками Дионисия — единственный в России памятник монументальной живописи, где удалось создать специальную должность хранителя, в обязанности которого вошли ежедневное наблюдение за состоянием фресок, регулирование температуры и влажности в соборе, подготовка соответствующих рекомендаций для реставраторов. Изучение и реконструкция старой дренажной системы на территории монастыря, очистка существующих и установка новых водоотводных труб и водосборных колодцев уменьшили сырость на участках около Богородице-Рождественского собора. Впервые за многие годы наблюдений была уменьшена излишняя влага в подвальных помещениях, поднимавшаяся ранее по кирпичной кладке стен в основное здание собора и насыщавшая известковый грунт и фресковую живопись. Лаборатория климатологии московского Института реставрации разработала в свою очередь специальную систему вентиляции собора и добилась на редкость удачного равновесия температуры и влажности, что приостановило дальнейшее образование биоразрушителей. В 1988 г. закончено восстановление монастырской стены, введена круглосуточная охрана памятника. Иными словами, налицо явное улучшение условий, в которых находятся ныне фрески Дионисия. Тем самым уже продлена их жизнь для будущих поколений.

История целого ряда памятников искусства Древней Руси показывает, что их реставрация нередко приводит к искажению первоначального облика, а иной раз и к непоправимой порче произведения. Как правило, это происходит там, где реставрация является монопольной привилегией одной мастерской или даже отдельного специалиста, которые совсем не заинтересованы в контроле со стороны других реставрационных или охранных учреждений. Немалый вред причиняет и хозрасчетный принцип деятельности большинства наших реставрационных мастерских, стремящихся делать работу, которая не требует времени и капитальных затрат, но приносит скорую и ощутимую прибыль. Неред-

ко научная реставрация превращается в чисто хозяйственное дело, а на почве бесконтрольности развиваются нездоровые амбициозные представления о том, что реставратор все может и никто ему не указ. К чему приводят все эти причины мы знаем по недавней реставрации фресок Андрея Рублева и Даниила Черного в Успенском соборе во Владимире, где после расчистки живопись начала XV в. была безжалостно затонирована и навсегда потеряла подобие подлинности. Непосредственные виновники порчи фресок Рублева — владимирский реставратор А.П.Некрасов и его московский руководитель В.В.Филатов — не понесли при этом никакой ответственности и мало кому известно, что точно такая же "реставрация" и теми же лицами была произведена также в Успенском соборе на Городке в подмосковном Звенигороде, где сохранились остатки настенной живописи самого раннего периода творчества Рублева. Я называю эти далеко не единственные факты не только потому, чтобы указать на опасную черту, отделяющую реставрацию от поновления, но и потому, чтобы понять некоторые особенности производства реставрационных работ в Ферапонтове.

В 1985—1987 гг. в газетах "Известия" и "Советская культура" было опубликовано пять статей, посвященных Ферапонтову. Их авторы — преимущественно вологодские журналисты и деятели культуры, никак не связанные с научной реставрацией, но пекущиеся о том, чтобы Ферапонтово имело "одного хозяина". В качестве "хозяина" неоднократно называлась Вологодская реставрационная мастерская во главе с А.А.Рыбаковым. Таким образом делалась попытка взять реставрацию памятника не только национальной, но и мировой художественной культуры исключительно под контроль местной организации. Научно-методические советы по охране памятников культуры СССР и РСФСР не согласились с этим, тем более что А.А.Рыбаков был уличен в порче монументальной иконы "Успение" круга Дионисия из Павло-Обнорского монастыря. Создание в Ферапонтове межведомственного коллектива реставраторов является принципиальным решением двух министерств: этим открываются возможности для более объективного выяснения научных споров, естественных в процессе работы на таком сложном и ответственном памятнике, как Ферапонтово. Опыт, накопленный ферапонтовским коллективом реставраторов в течение восьми лет исследовательской и

реставрационной работы, показал правильность выбранного пути.

Когда после долгих предварительных исследований, после изготовления картограмм и фотографирования росписи началась практическая работа по стенописи, выяснился далеко неоднозначный подход разных специалистов к решению некоторых вопросов реставрации. Предметом горячих споров был, например, вопрос о тонировании новых штукатурных восполнений в местах полной утраты живописи и грунта. Тонировки — подлинный бич всей новейшей реставрации как монументальной, так и станковой живописи. Даже там, где они применяются осторожно и авторами которых являются реставраторы высшей квалификации, они способны нанести древнему произведению непоправимый урон, лишить его исторической и художественной достоверности. Печальный опыт прошлых лет уже давно является предметом дискуссий, а бездумные сплошные тонировки фресок Рублева во Владимире — предмет единодушного осуждения. Вот почему подавляющее большинство реставраторов и историков искусства, причастных к Ферапонтову, решило в конечном счете отказаться от каких бы то ни было тонировок живописи Дионисия. И это правильно: мы видим теперь в Ферапонтове исключительно подлинную живопись гениального художника, мы доверены только ему, здесь нет никаких реконструкций и дополнений рисунка и цвета, которыми и поныне так злоупотребляют почти все реставраторы монументальной живописи.

Фрески Ферапонтова мало пострадали от позднейших поновлений, но отдельные части росписи были все же возобновлены при капитальном ремонте здания в 1738 г. — преимущественно там, где древняя живопись была в это время уже утрачена. В таких случаях у реставрационного коллектива в Ферапонтове не было расхождений: штукатурная основа XVIII в. сохранялась, но грубая, почти малярная живопись поновителя "растачивалась" или, иными словами, механическим путем высветлялась до такой плотности, чтобы контрастное сопоставление старого и нового было, по возможности, менее заметным. Механически удалялись и многочисленные черные пятна в разных местах росписи, которые, как выяснилось, являются видоизменившимися свинцовыми белилами, примененными в XVIII в. для косметической подкраски мелких утрат живописи. Но по ходу реставрации возникла еще

одна задача: как быть с густым слоем пыли и увядшей плесени, которые осели на фресках после двух предыдущих промывок живописи Дионисия? Ведущие реставраторы Ферапонтова — О.В.Лелекова (Институт реставрации) и И.П.Ярославцев (производственное объединение "Росреставрация") — высказали на этот счет противоположные мнения. С точки зрения И.П.Ярославцева, пылевые и биологические загрязнения удалять не надо, так как они срослись с так называемой "кальциевой" защитной пленкой, формировавшейся в течение всего периода существования фресок и предохраняющей их поверхность от дальнейшего разрушения. По мнению же О.В.Лелековой, которая разработала очень простой, но эффективный способ безводного удаления пыли и микроорганизмов, очистка фресок необходима: она никак не затрагивает названной защитной пленки, но дает возможность увидеть подлинную живопись начала XVI в. Возражения И.П.Ярославцева не раз обсуждались в Москве и непосредственно на реставрационных лесах в соборе и были признаны беспочвенными, хотя в конечном счете возобладал компромиссный вариант: удалять загрязнения в половину их толщины и только в трех нижних регистрах росписи, так как именно здесь фрески запылены до неузнаваемости истинного цвета живописи. При дифференцированной очистке сохраняется и общая "пастельность" фресок, характерная, например, для фигур ангелов в световом барабане купола, сохранность которых такова, что как раз они дают настоящее представление о первоначальной палитре и фактуре живописи Дионисия.

И, наконец, еще один вид разногласий в Ферапонтове заключается в применении укрепляющих материалов. Институт реставрации, в обязанности которого входят все работы по красочному слою, предложил синтетический клей, тогда как "Росреставрация" настаивала и настаивает на яичном желтке. Защитники разведенного на воде желтка не учитывают, однако, трудности его использования, так как в Ферапонтове подклеиваются совсем небольшие, в несколько квадратных миллиметров, пластинки шелушащегося красочного слоя. К тому же свежий желток является органическим связующим, подверженным заражению плесенью, а синтетический клей устойчив к любому внешнему раздражителю.

Хотя я постоянно говорю о реставрации Ферапонтова, по отношению к фрескам Дионисия было бы правильнее пользоваться термином "консервация". Ведь с реставрацией обычно связывают сплошное обновление памятника, а как раз обновление и не характерно для Ферапонтова. Насколько осторожен подход к сохранению живописи Дионисия, ясно, в частности, из того, что специалисты воздержались от реконструкции первоначальной фигурной кровли Бсгородице-Рождественского собора, хотя для ее восстановления имеются все необходимые данные. Решено сохранить кровлю ХУШ в., так как она лучше предохраняет собор от дождя и снега. Люди, не знающие специфики реставрационных проблем в Ферапонтове, склонны преувеличивать степень вмешательства реставраторов и в художественную ткань фресок. Но проводившееся в течение ряда лет полное обследование живописи Дионисия, когда роспись была изучена в буквальном смысле слова до последнего сантиметра, показало, что общая сохранность фресок может быть охарактеризована в целом как хорошая. Основной вид разрушений — отслаивание совсем небольших поверхностных слоев краски, чаще всего нежных охр. Поэтому здесь ведется выборочное (а точнее сказать — точечное) укрепление живописи, причем висящие шелушинки в виде крохотных пластинок подклеиваются не сверху, как это было принято до недавнего времени, а изнутри, с подкладочной стороны, что исключает потемнение или иное изменение цвета. И еще один немаловажный факт: по предварительной оценке общая площадь такого рода подклеек не более двух квадратных метров из шестисот квадратных метров уцелевшей живописи Дионисия.

Особенностью нынешних исследовательских и реставрационных работ в Ферапонтове является их взаимная увязка, планомерность и комплексность. К изучению истории монастыря, к обследованию зданий и фресок, к их восстановлению и консервации привлечены лучшие мастера, выбраны лучшие материалы и способы их применения. Впервые параллельно с реставрацией публикуются и результаты проводимых работ, причем почти все публикуемые материалы даются в специальных "Ферапонтовских сборниках", издание которых осуществляется Институтом реставрации. В 1985 г. вышел первый сборник, в 1988 — второй; читатель держит в руках еще один, уже третий "Ферапонтовский сборник". И, наконец,

впервые здесь ведется высокопрофессиональная полная цветная и черно-белая фотосъемка, и все ферапонтовские фрески будут опубликованы вскоре после завершения их реставрации.

4

Обдумывая прошлое и настоящее Ферапонтова монастыря, нельзя не заглянуть и в завтрашний день. И как раз будущее этого уникального памятника культуры внушает наибольшую тревогу. С 1990 г. открывается (правда, пока ограниченный) экскурсионный доступ в Богородице-Рождественский собор. Говоря об экскурсиях, я имею в виду как коллективные посещения, так и одиночных любителей искусства. А не позже 1992 г. собор и фрески перейдут в прежнее полное управление музея. Постепенная разборка реставрационных лесов, увеличение потока посетителей, неизбежная пыль, дисбаланс температуры и влажности, несомненно, будут менять ныне стабильный режим в соборе — основополагающий фактор обеспечения сохранности фресок Дионисия. Каковы будут изменения микроклимата в здании, каким образом они могут повлиять на состояние фресок? Этого не знают в точности даже специалисты-климатологи, под постоянным наблюдением которых собор находится уже девять лет. Вот почему заранее предусматривается особая система организации экскурсий. Нельзя отдавать собор и находящуюся в нем живопись на безответственный откуп туристических бюро. Ферапонтово никоим образом не должно стать объектом массового туризма — этой чумы новейшей фазы цивилизации. При повышенной влажности администрация музея имеет право прекращать посещение собора. Но и при хороших погодных условиях в нем может находиться группа не более чем в пятнадцать-двадцать человек в течение десяти-двадцати минут. Осмотр фресок организуется так, чтобы зритель не тратил драгоценное время на усвоение самых первых, примитивных сведений и понятий, как это делается, к сожалению, в Ферапонтове теперь. В собор должны идти люди, уже подготовленные к восприятию возвышенного, но и чрезвычайно трудного для понимания средневекового искусства. Предварительную информацию об истории монастыря, о древнерусской культуре, о живописи Дионисия, о системе росписи, иконографии и стиле

фресок посетители должны получать еще до входа в собор. Тщательно продумываются маршруты экскурсий, оборудуются помещения для размещения схем росписи и копий с фресок, для чтения лекций и демонстрации кинофильмов. Я бы призвал, наконец, поставить на должный уровень кустарную пока издательскую деятельность музея: нужны дешевые и дорогие альбомы и монографии, открытки, путеводители, слайды. Короче говоря, нужен европейский тип обслуживания посетителей, до которого, к сожалению, еще очень далеко всем музеям Российской Федерации.

И все же хочется думать, что Ферапонтов монастырь в течение сравнительно недолгого времени может быть преобразован в первоклассный музей. Так же, как и Кирилло-Белозерский монастырь, где находится основная администрация объединенного музея. На оптимистический лад настраивает готовящееся постановление Совета Министров РСФСР о создании на базе Кирилло-Белозерского музея национального парка с необычным статусом охраняемой природы и памятников истории и искусства. В обширную зону парка войдут, в частности, Ферапонтов, Кирилло-Белозерский и Горицкий монастыри, Нилова пустынь на речке Соре, Цыпина гора и гора Маура, Ильинский погост с деревянной церковью XVIII века и многие другие памятники. Созреванию идеи национального парка в Вологодской области активно содействовали историки, архитекторы, реставраторы, художники, писатели, журналисты, учителя, студенты, школьники, музейные работники, искусствоведы и краеведы, многочисленные местные жители, официальные советские учреждения Вологды -- все, кому небезразлична дальнейшая судьба этого дивного по своей красоте уголка России. За несколько лет в областной вологодской газете "Красный Север" и в кирилловской районной газете "Новая жизнь" было напечатано немало статей и заметок, авторы которых обсуждают нелегкие задачи создания и последующего функционирования национального парка. Но не буду говорить об этих задачах в целом, а скажу о том, что может дискредитировать саму мысль о подобном парке.

Главная проблема, с которой сталкивается идея национального парка, заключается в никем ныне не контролируемой хозяйственной деятельности здесь разнородных местных организа-

ций. Возьмем интересующее нас Ферапонтово. Село с постоянным населением около четырехсот человек является центром совхоза "Родина", в границах которого расположено еще до 60 деревень. Если в пятидесятые-шестидесятые годы экологическая обстановка в Ферапонтове мало чем отличалась от XIX в., то теперь она быстро меняется в худшую сторону. Политика бесперспективных деревень привела к заброшенности бездорожных деревушек, к переселению людей и соответственно — к росту села Ферапонтово. Асфальтовое шоссе от Вологды до Чарозера, построенное около десяти лет назад, прошло непосредственно по окраине села, а дорога на Севере — активизация всевозможной хозяйственной деятельности. Центральная усадьба совхоза "Родина" расположена на противоположной от монастыря горке через речку Паска, в ста метрах от охранной музейной зоны. Тут дорога, почта, сельсовет, совхозное управление, магазин и клуб, а чуть подальше — машинно-тракторная станция и гаражи, животноводческие фермы, водокачка, лесопилка, охотоводческое хозяйство. В последние годы напротив монастыря выстроены кирпичная гостиница и ресторан (с мраморными лестницами, но с высокой железной дымовой трубой), кирпичная трансформаторная будка, водонапорная башня, идет строительство нового бетонно-кирпичного магазина. Для рабочих совхоза в конце села, выходящем на дорогу, построены скучнейшие барачного типа многоквартирные дома, новая совхозная контора. Рядом с монастырем недавно поставлены бетонные опоры линии электропередачи. (Как будто мало говорилось и писалось по поводу позорной ЛЭП поблизости от шедевра мировой архитектуры — церкви Покрова на Нерли!) Без согласования с музеем и без утвержденного генерального плана развития села началось строительство из силикатного кирпича совхозной конторы и других административных зданий. На берегу Паского озера установлена пятиметровая фигура автоматчика из покрашенного "серебряной" краской железобетона — местный военный мемориал. Бессмысленно ведется строительство дорог, губящих неповторимые ландшафты Ферапонтова, в частности совсем еще нетронутые цивилизацией окрестности вокруг Цыпиной горы. Надо ли после этого говорить, что прежнее село Ферапонтово стремительно превращается в обыкновеннейший поселок, где монастырь будет уже не центром, а придатком малопривлекательного населенного пункта.

Меня не раз изумляла беспомощность музейного коллектива в Ферапонтове. Возмущаясь безобразиями совхозной администрации, которая в самых красивых видовых точках села понатыкала водонапорные башни и столбы, сотрудники местного музея ограничиваются словесными инвективами, ссылаясь на нежелание заниматься этими вопросами основной дирекции Кирилло-Белозерского музея-заповедника. До какой общей халатности дошло дело, можно судить по развалившемуся в прошлом году деревянному мосту через речку Паску. Мост, правда, как бы ничейный, так как он соединяет охранную зону музея с наиболее оживленной, торгово-клубной частью села. Но деревянный мост на этом месте и в таких именно формах существовал, я думаю, не одну сотню лет. Он является памятником культуры, исторической достопримечательностью! Мы видим его, например, на рисунке, который воспроизведен в книге И.И.Бриллиантова, изданной в 1899 г. Мало того, что развален мост, произошло еще и сползание берегового холма, и теперь восстановление моста и берегового откоса обойдутся в не одну тысячу рублей. При попустительстве музея в течение 1989 года совхоз интенсивно разрабатывал карьер на берегу Бородавского озера: на глазах многочисленных туристов бульдозеры до основания срыли историческую Разбойничью горку и мощные самосвалы вывезли десятки кубометров грунта и гравия на реконструкцию телятника. Особую горечь вызывает то существенное обстоятельство, что именно здесь находятся самые богатые россыпи цветных глин и галек, которыми, как предполагается, пользовался Дионисий при росписи собора Ферапонтова монастыря. Еще один пример халатного отношения к Ферапонтову я вижу в отравлении Бородавского озера, где два года назад неожиданно исчезли все раки, любящие, как известно, подобно бобрам, исключительно чистые водоемы. По всей видимости, в озеро попали стоки неустановленного химического удобрения с совхозных полей на северной стороне озера. Никто, наконец, не думает о сохранении исторического облика села: уже давно разобрана в его историческом центре старая деревянная чайная и жилой двухэтажный деревянный дом XIX в., в котором раньше помещался единственный в Ферапонтове магазин.

По мере того как идея национального парка приобретает все

более зримые очертания представляется недопустимо пассивной по отношению к Ферапонтову позиция Вологодского облисполкома. Вель речь идет о фундаментальном вопросе сохранения выдающегося памятника отечественной истории, искусства и культуры. В 1989 г. Ферапонтов монастырь с фресками Дионисия вошел в регистр охраняемых памятников ЮНЕСКО. Это не меньшая ценность, чем, скажем, Михайловское Пушкина или Ясная Поляна Толстого. А между тем совхоз "Родина" прилагает немало сил закрепиться в Ферапонтове. Организуются сельские сходки, на которых высказывается естественное нежелание местного населения переезжать на новое место. Но ведь эта малая демографическая проблема порождена именно совхозом! Да и нет никакой необходимости переезжать всему селу! Государственные интересы требуют совершенно иного: перемещения на новое место совхозного правления и всех машинных и животноводческих комплексов, так как их формы, размеры и строительные материалы находятся в резком противоречии с традиционной деревянной малоэтажной застройкой села. Так или иначе, строительство нового центра совхозной усадьбы — главное условие превращения Ферапонтова в основную историко-ландшафтную зону будущего национального парка. И решать этот нелегкий вопрос надо авторитетному коллективу специалистов.

Нередко приходится слышать, что статус национального парка ограничивает развитие сельского хозяйства. Как раз нет. Распашка полей, возрождение старых культур, в частности невыгодного для совхоза льна, огородничество и садоводство, которыми славились когда-то местные деревни, остаются обязательным условием жизни населения в национальном парке. Нужны здесь и асфальтированные дороги, которыми соединились бы все деревни, живые летом, но вымирающие зимой, когда снега заносят тропки и проселочные пути. Нужна, наконец, та элементарная культура быта, без которой немыслима жизнь людей на исходе XX в. и которая, хочется думать, вернет людей в родные края. Ведь еще стоят многие добротные дома, но уже начинают зарастать кустарником и лесом бывшие поля, луга и огороды, кормившие в прежние времена не только местное население, но и половину всей русской Фиваиды на Севере.

Ферапонтово и близлежащий Кириллов — на пороге целого ряда юбилейных дат: в 1990 г. мы будем отмечать 500-летие собора Рождества Богородицы в Ферапонтове, в 1997 г. — 500-летие Успенского собора и 600-летие со времени основания Кирилло-Белозерского монастыря, в 1998 г. — 600 лет существования Ферапонтова монастыря, наконец в недалеком уже 2002 г. — 500-летие фресок Дионисия в Ферапонтове. Легко представить наплыв жаждущих ныне духовной культуры людей в Ферапонтов и Кириллов монастыри, их желание все увидеть и вернуться домой полными впечатлений от памятников искусства и природы. Именно по этой причине все, кто причастен к сохранению и приумножению духовного и художественного наследия Ферапонтова и Кирилло-Белозерского монастырей, должны полностью посвятить себя этой задаче.